

Рагоуилъ

(Страница из истории русского именовослова)

Алексей А. Гиттиус (Москва)

На одном из рельефов бронзовых романских дверей Софии Новгородской, изготовленных в 1152–1154 гг. в Магдебурге и известных как Магдебургские, Плотские, Корсунские или Сигтунские, изображена евангельская сцена избияния младенцев, а рядом – как иллюстрация к стиху Мт. 2. 18, цитирующему ветхозаветное пророчество (Иерем. 31. 15: «Глас в Ра-ме слышан, плач и рыдание, и вопль великий; Рахиль плачет о детях своих и не хочет утешиться, ибо их нет») – фигура Рахили с пояснительной надписью RACHEL (см.: GOLDSCHMIDT 1933, Taf. 16). Вместе с большинством латинских надписей Магдебургских врат это имя в середине XV в. было продублировано по-славянски. Его кириллический «перевод» выглядит, однако, довольно странно. Над изображением женщины, держащей на руках младенца, отчетливо читается: **РАГЪИЛЪ** (с Я и Г, образующими лигатуру). Легко вообразить, сколько поколений новгородцев сбивала с толку своей несообразностью эта подпись, и теперь останавливающая на себе недоуменное внимание всякого вдумчивого читателя. Недоумение лишь отчасти снимается, когда мы узнаём, что надпись в ее нынешнем виде представляет собой результат исправления первоначального **РАГХИЛЬ**, где ГХ, по-видимому, возникло в результате неумелой транслитерации латинского СН (см.: ПОППЭ 1976, 197). Не распознав в этой записи имени жены Иакова, кто-то увидел в ней написанное с ошибкой другое библейское имя и, переправив 8 на X, а Ъ на Ъ, превратил Рахиль в «Рагуила».

Проделавший эту графическую метаморфозу новгородец явно не задумывался о смысле изображения, да и имя Рагуил, похоже, говорило ему немного, вызывая лишь довольно неопределенные библейские ассоциации. Действительно, в Библии это имя (евр. *Re'u'el* 'друг Бога', в греч. и лат. передаче соответственно *Ραγουηλ*, *Raguel*) носят лишь несколько второстепенных персонажей Ветхого Завета, из которых более или менее заметны лишь тесть Моисея (Исх. 2. 18; Числ. 10. 29) и отец Сарры, жены Товии (Тов. 3. 7); помимо этого данное имя выступает еще несколько раз в генеалогических перечнях (Быт. 36. 4. 10; 1 Царств 9. 8; Числ. 2. 14), называя нигде более не упоминаемых потомков Авраама.

Впрочем, имя Рагуил могло быть известно в Новгороде не только из Библии, но и как личное имя, бывшее на Руси не такой уж большой редкостью (см.: SKULINA 1974, 210). Несколько раз оно упоминается в летописях. В «Повести временных лет» под 1096 г. фигурирует воевода Мстислава Великого Добрыня Рагуилович. Новгородская первая летопись называет под 1132 г. ладожского посадника Рагуила, а под 1200 г. сообщает о гибели в битве с литвой некоего Рагуила Прокопыничя (НПЛ, 28, 207; 45, 239). В известиях Киевской летописи за XII в. дважды, под 1147 г. и 1169 г., упоминается боярин и тысяцкий князя Владимира Мстиславича

Рагуил Добрынич (ПСРЛ, 2, 349, 535-536). В начале XIV века во Пскове известен боярин Рагуил (ГВНП, 317, грамота 1308 г.).

Важные дополнения к этому перечню содержат новгородские берестяные грамоты, в которых интересующее нас имя представлено дважды: в грамоте № 427 (втор. пол. XI в.), где оно выступает в варианте *Рагоуль* (*къ Рагоулови*), и в грамоте № 831 (сер. XII в.), адресованной *къ Рагоулови къ старъшюмоу*. С большой вероятностью как гипокористическая форма того же антропонима может рассматриваться имя *Рагуи*, известное из новгородских писцовых книг («Ивашка Рагуи, иконник» НПК 3, 12; Тупиков 1903, 388).

Имеется и ряд топонимов, производных от имени *Рагуил*. В берестяной грамоте № 297 (нач. XV в.) упоминается село *Рагуилово*. Деревня с тем же названием значится в Писцовой книге Водской пятины 1500 г. (НПК 1, 403; ср. также *Рогуево*, там же, 456, 892). В основанном М. Фасмером *Russisches geographisches Namenbuch* дважды зафиксировано название *Рагуйлово* (в Велико-Устюжском уезде Вологодской губ. и Угличском уезде Ярославской губ.) и по разу – *Рагулово* (Ямбургский уезд Санкт-Петербургской губернии) и *Рогулово* (Костромской уезд Нижегородской губ.) (RGN, 497, 609). Конечно, варианты с корневым *o* допускают возможность и чисто русского словопроизводства (от *рог*), однако наличие параллелей с *a*, исключающих такую возможность и при этом явно восходящих к *Рагуил*, позволяет относить это варьирование за счет обычного для русской рецепции заимствованных имен собственных чередования *o/a*, а также вторичного осмысления имени как связанного с *рог*.

Весь этот материал не представлял бы особого интереса, если бы не следующее обстоятельство: за пределами Руси личное имя *Рагуил* в славянском мире не засвидетельствовано. На это указал еще в середине XIX-го века Э. Куник (Kunik 1845, 191), чье наблюдение до сих пор остается в силе. Во всяком случае, ни одним из известных мне славянских антропонимических словарей и справочников это имя вне восточнославянской территории не зафиксировано. Более того, и христианский антропонимикон в целом его практически не знает¹. На этом фоне относи-

¹ В словарях христианских личных имен данное имя отсутствует. В форме *Reuel* оно, тем не менее, известно в Англии, где наиболее видным его носителем был знаменитый Джон Руэл Толкиен. В британской традиции бытование этого имени восходит, однако, лишь к XVII в., когда в моду стали входить редкие библейские имена, а сам выбор крестильного имени иногда осуществлялся путем случайного раскрытия Библии (см.: MEIER 1934, 27–30). Бóльший интерес для нашей темы представляет факт, почерпнутый в результате поисков носителей занимающего нас антропонима в Интернете: личное имя *Рагуэль* (*Raguel*) известно почти исключительно в Испании и Португалии, а также в странах Латинской Америки. В этой перспективе кажется неслучайным и единственный известный мне случай использования этого имени как христианского в средневековой Европе (за пределами Руси): его носил пресвитер Рагуэль из Кордовы, автор написанного в 60-х гг. X в. жития св. Пелагия Кордовского (см.: ROTHNAST 1886, 951). В этом сказался, вероятно, поликонфессиональный характер средневековой Кордовы, где христианство существовало бок о бок с исламом и иу-

тельная многочисленность древнерусских Рагуилов выглядит абсолютно аномально. Обращает на себя внимание и то, что шесть из восьми известных носителей этого имени жили в XI–XII вв. Вне этих хронологических рамок находим лишь псковского *Рагуила* (1308) и новгородского иконника *Ивашку Рагуя*, причем в последнем случае *Рагуй* – явно не имя, а прозвище. В целом же рассматриваемый антропоним обнаруживает определенное тяготение к домонгольской эпохе, что для русского христианского именослова совсем не характерно.

Своеобразный «хронотоп» имени *Рагуил*, представленного только на Руси и преимущественно в древнейший период, сближает его с такой категорией древнерусских личных имен, как имена скандинавского происхождения, бытование значительной части которых также ограничено названной эпохой. Неудивительно поэтому, что уже упоминавшийся Э. Куник, автор единственного специального экскурса в историю этого имени, отнес его к числу скандинавских, разложив на компоненты *ragn-* и *vill-*, из которых, однако, в скандинавском именослове широко представлен лишь первый. Высказав это предположение, Э. Куник заметил: «Uebrigens steht die Normannität des Namens jener natürlich schon slawisierten Russen so lange auf schwachen Füßen, bis im Norden selbst ein *Rögnvill* in leibhaftiger Person nachgewiesen ist, da die blossе Analyse in *Rögn-* und *-vill* nicht genügt» (KUNIK 1845, 191–192). Видимо, имея это в виду, Ф. Миклошич поддержал точку зрения Э. Куника лишь в том, что касается неславянского происхождения имени, заметив, что имя *Рагуил*, «quod Kunik scandicum esse putat, slavicum certo non est» (MIKLOSICH 1860, 209).

Симптоматично, что и Куник и Миклошич, задумываясь об этимологии имени Рагуил, проигнорировали его лежащее на поверхности библейское происхождение – мысль обоих исследователей была устремлена в совсем ином направлении. Ошибочное восприятие данного имени как нехристианского сказалось и в современном исследовании древнерусского антропонимикона, относящем его к числу «неинтерпретированных» (SKULINA 1974, 77).

Это закрепившееся в научной традиции недоразумение, по-видимому, объясняется тем, что имя Рагуил, будучи библейским и функционируя как христианское, не является при этом к а л е н д а р н ы м (каноническим), отсутствуя в православном месяцеслове²; нет его и в месяцеслове католической церкви. Ни один из названных выше ветхозаветных Рагуи-

даизмом, взаимодействуя с ними на разных уровнях, в том числе антропонимическом.

² В словаре русских личных имен А.В. Суперанской (СУПЕРАНСКАЯ 1998, 279) имя *Рагуил* помещено с пометой «старокалендарное», которую имеют имена, встречающиеся в рукописных календарях XVII–XIX вв., но не вошедшие в официальные святцы. К сожалению, ссылки на источники в данном издании отсутствуют. Однако неверно указанное значение этого библейского антропонима («познавайте Бога» вместо «друг Бога») явно восходит к названному среди источников словаря Лексикону Памвы Берынды. В последнем же данное имя помещено просто как библейское, а не как личное календарное.

лов не удостоился в христианскую эпоху церковного почитания и в святцы не попал. Чем же объяснить в таком случае распространенность этого имени на Руси? Другие подобные случаи, кажется, неизвестны.

Вопрос об истоках этой антропонимической аномалии распадается при ближайшем рассмотрении на два. С одной стороны, речь может идти о причинах, сделавших возможным наречение имени *Рагуил* как крепкого; с другой – о том, почему эта возможность оказалась реализованной на Руси.

Первую часть этого вопроса можно сформулировать более конкретно: в честь какого святого получали свои имена древнерусские Рагуилы, если в православных святцах святой Рагуил не значится? Кого, например, почитал как своего небесного покровителя тысяцкий Рагуил Добрынич? Как всякий христианин, он должен был иметь своего «ангела». Кто же выступал в этой роли? Поиски ответа на этот вопрос в Библии могут лишь завести в тупик, поскольку ясно, что никаких оснований для наречения имени в честь тестя Моисея или Товии не было. Даже если бы такой казус однажды и произошел, совершенно невероятно, чтобы он закрепился в традиции.

Выход из положения подсказывает единственное упоминание имени *Рагуил* в «Полном месяцеслове Востока» архиеп. Сергия, где среди почитаемых отдельными христианскими церквями святых значится *ангел Рагуил*, память которого (1 сентября) имеется в месяцеслове эфиопской церкви (СЕРГИЙ 1901, 682, 393–394). Как явствует из текста памяти (см.: BUDGE 1928, 9), источником ее послужила апокрифическая книга Еноха, относимая в эфиопской традиции к числу канонических. Этот иудейский апокриф является, как известно, одним из главных источников христианских представлений об ангелах. Число названных по именам архангелов, по сравнению с библейским каноном, упоминающим лишь Михаила, Гавриила и Рафаила, расширено в нем до семи и включает также Уриила, Саракаила (Сариила), Рагуила и Ремиила (1 Ен. 20, 7). Состав семи верховных архангелов по разным источникам сильно варьирует и никогда не был официально закреплён. Западная церковь, начиная по крайней мере с VIII в., вела борьбу с практикой наречения имен архангелов, не упоминаемых в Библии (см.: РАС, 5, 188). Известно постановление созванного папой Захарией собора 747 г., осуждающее текст молитвы, призывавшей имена Уриила, Рагуила, Тобуила и еще трех неканонических ангелов (см.: GEFELE 1877, 539). Второе положение имени Рагуила в этом списке свидетельствует о его относительной популярности в средневековой западной ангелологии. О том же говорят и иконографические данные: изображения архангела Рагуила имеются на саркофаге VI–VII вв. из Пуатье, фреске в пещерном храме в Фигурино (Апулия), каролингском дискосе VIII в. (BS, 2, 353–354; LCI, 1, 678).

Большую терпимость к указанной тенденции проявило восточное православие, признав в качестве источника архангельских имен не только Священное писание, но и Священное предание. Современный православный месяцеслов называет девять архангелов: Михаила, Гавриила, Рафаила, Уриила, Сеалафила, Иегудиила, Варахаила и Иеремиила. Память

всех девяти отмечается 8 ноября, когда празднуется Собор архангела Михаила и прочих Небесных Сил бесплотных. Древнейшие славянские минеи не знают этого развернутого списка, называя лишь Михаила, Гавриила и Рафаила и оставляя «прочие Небесные Силы» непоименованными. В иконографии закрепился набор из четырех архангелов, включающий также Уриила (см., например, изображения на Гильдесхаймском кресте, LENFELDT 1999, Abb. 1). Отдельные памятники, однако, расширяют этот набор, включая в него Селафиила (фрески Нередицы, конец XII в.), Варахиила и Иеремиила (фрески церкви Федора Стратилата в Новгороде, XIV в.) или даже экзотических Мизраила, Флогофиила и Сихаила в пещерных храмах Каппадокии (LCI, 1, 678).

Изображения архангела Рагуила в византийском и древнерусском искусстве, кажется, неизвестны. Однако в условиях нестрогого разграничения канонических и апокрифических писаний Рагуил, упоминаемый и в славянской версии книги Еноха, мог и должен был восприниматься на Руси как полноправный член архангельского сонма. Впрочем, знакомство Руси с архангелом Рагуилом могло состояться не только книжным путем. Присутствие этого имени в ономастиконе русских заговоров (см.: ЮДИН 1997, 148), где оно, как и в коптских магических текстах I–II вв. н. э. (ср. КРОПП 1931), призывается вместе с именами других архангелов, указывает на другой, не менее важный источник – традицию низовой византийской религиозной культуры, занесенную на Русь греческим и южнославянским духовенством. В этом отношении ближайшим «родственником» Рагуила на Руси является архангел Сихаил, также нередко упоминаемый в заговорах (в частности, в берестяной грамоте № 734) и изображаемый на медных иконках и эмальках (см.: ЗАЛИЗНЯК 1995, 293; СТЕРЛИГОВА 1996, 373, 403).

Ответ на первый сформулированный выше вопрос мы, таким образом, получили: древнерусские Рагуилы могли получать свои имена в честь апокрифического архангела и праздновать именины 8 ноября, на Собор архангела Михаила и всех Небесных Сил бесплотных. Остается второй: почему из всех неканонических архангелов древнерусским христианским именованьем был выделен именно Рагуил?

Нет никаких оснований предполагать существование на Руси в XI–XII вв. особого культа архангела Рагуила, подобного тому, какой имел место в Эфиопии, где память этого архангела праздновалась в первый день церковного года и где в столице государства существовал (и существует до сих пор на горе Энтото) посвященный ему царский храм. Идеологический общий знаменатель, к которому можно было бы свести все случаи наречения этого имени, следовательно, отсутствует. Очевидно в то же время, что эти случаи должны быть как-то связаны между собой. Как же именно?

Задавшись этим вопросом, обратим внимание на то, вероятно, уже замеченное читателем обстоятельство, что семь из восьми известных нашим источникам Рагуилов связаны с Новгородом и Новгородской землей (в широком смысле, включая Псков). Происхождение этого имени на Руси есть поэтому все основания связывать с Новгородом. Поскольку

христианизация древнерусского именослова осуществлялась, как известно, «сверху», исконной средой бытования нашего имени нужно считать социальную элиту Новгорода, его боярские круги. Повторяемость имен в пределах замкнутого социума, каким было новгородское боярство XI–XII вв., объясняется во многом генеалогическими причинами: родовые имена передавались из поколения в поколение (чаще всего от деда к внуку), распространяясь среди потомков их первоначальных носителей. История Новгорода изобилует такими примерами. Так, у посадника Дмитра Завидича (нач. XII в.) был сын Завид Дмитриевич, также посадник. Упомянутые Ипатьевской летописью (1146) внуки посадника Мирослава Гюрятинича носили имена Ивор Гюргевич и Гюргий Прокопынич. Правнук посадника Михалка Степанича был полным тезкой своего прадеда, причем, судя по тому, что первый Михалко Степанич заново отстроил в 1176 г. патрональную церковь Михаила архангела (НПЛ, 35), он не первым в роду носил имя Михаил.

То, что и имя *Рагуил* передавалось как родовое, подтверждает, как это ни странно, единственная фиксация его за пределами Новгорода, лишь на первый взгляд кажущаяся исключением из правила. Дважды упоминаемый Киевской летописью (1147 и 1169) Рагуил Добрынич был тысяцким князя Владимира Мстиславича. Не имевший постоянной волости Владимир Мстиславич кочевал со стола на стол, нигде подолгу не задерживаясь. «Своих бояр» в Южной Руси у него, по-видимому, не было. Матерью же князя была дочь уже упомянутого новгородского посадника Дмитра Завидича, на которой прокняживший в Новгороде более четверти века Мстислав Владимирович женился, овдовев, в 1122 г. Все это, на наш взгляд, дает полное основание считать, что отцом тысяцкого Владимира Мстиславича Рагуила Добрынича был новгородский воевода его отца Добрыня Рагуилович.

Имея дело с таким антропонимическим уникалом, как Рагуил, можно думать, что и другие ранние носители этого имени находились между собой в родстве. Представляется к тому же вполне вероятным, что *Рагуил*, получивший в 1132 г. ладожское посадничество, тождествен адресату датированной второй четвертью XII в. берестяной грамоты № 831, также занимавшему видную административную должность. Не исключено даже, что это тот же Рагуил Добрынич, который вскоре станет тысяцким при повзрослевшем Владимире Мстиславиче. Генеалогические соображения, подкрепляющие эти отождествления, я вынужден здесь опустить (см.: Гиппиус 2001). Однако и безотносительно к ним, уникальность имени в сочетании с географической и социальной компактностью его первоначального распространения позволяет предполагать его «моногонез» на Руси или, иначе говоря, допускать существование в Новгороде в XI в. некоего «прото-Рагуила», первого обладателя этого неканонического имени.

Осталось понять причины этой антропонимической аномалии, обогатившей древнерусский ономастикон именем апокрифического архангела. Ее можно было бы объяснить простой прихотью начитанного в «сокровенных» книгах новгородского иерея, пожелавшего дать младенцу

окруженное мистическим ареолом ангельское имя. Его укорененность в замешанном на магии и мистике и далеком от доктринальной чистоты народном христианстве в любом случае не подлежит сомнению. Но остается вопрос: почему именно Рагуил, а не, скажем, Варахиил, Селафиил или столь популярный на Руси Сихаил?

Заметим здесь, что из всех англофорных имен *Рагуил* фонетически наиболее органично вписывается в славянское антропонимическое окружение – настолько, что, как мы уже видели, иногда даже теряется в нем, маскируя в глазах исследователей свое подлинное происхождение. Это, вероятно, сыграло свою роль в том, что имя «прижилось» на Руси. Само же появление его в древнерусском антропонимиконе может быть, как представляется, поставлено в связь с особой моделью соотношения языческого и христианского имени, в рамках которой они существуют не обособленно друг от друга, фактически не соприкасаясь между собой в обиходе, но определенным образом коррелируют между собой, взаимно уподобляясь одно другому (см.: Гиппиус/Успенский 2000, Успенский, в печати). Языческое по происхождению имя может в этой ситуации рассматриваться как вариант христианского, христианское же – выбираться по признаку фонетического сходства с языческим. Данное явление, отмечаемое не только на Руси и в Скандинавии, но и в других странах средневековой Европы (см. немецкие примеры: Вачн 1943, 329–330, §287), носит, по-видимому, типологический характер, представляя собой особую, «мягкую» форму христианизации личного именослова, осуществляемой как бы исподволь, с оглядкой на местную антропонимическую традицию. На древнерусском материале эти отношения, вовлекая и собственно славянские антропонимы³, наиболее ярко обнаруживаются в судьбе «варяжских» имен, заимствованных из скандинавской традиции в дохристианскую эпоху. В частности, длительное бытование на Руси имен *Якун* и *Ивор* объясняется, по-видимому, их соотнесенностью с крестильными именами *Яков* и *Иван*⁴. Особый интерес представляет для нас упоминаемый в Киево-Печерском патерике варяжский князь Африкан, имевший, как предполагается, скандинавское имя *Afreki* (Браун 1902, 359–365). Этот пример показывает, как механизм фонетического уподобления христианского имени языческому может стимулировать использование редкого христианского имени (другие древнерусские Африканы вообще неизвестны).

³ См., например, пары *Волос* – *Власий*, *Марена* – *Марья* как разные обозначения одних и тех же лиц или же имя новгородского посадника Остромира, в крещении Иосифа (др.-русс. *Осифъ*, *Осипъ*, с тем же начальным *Ос-*, что и в языческом имени). Ср. также в сербской традиции двойное имя *Михаил-Милгост*, принадлежащее писцу или заказчику служебника XIII в. (СК XI–XIII, № 397).

⁴ Наиболее ярко корреляцию *Якун*–*Яков* отражает тот факт, что фамильной церковью новгородского посадника Якуна Мирославича была церковь св. Иакова (см. Гиппиус 1999). Существование корреляции *Ивор*–*Иван*, предположенное в работе Гиппиус/Успенский 2000 исходя из общих соображений, получило подтверждение в виде обнаружения печати Ивора Всеволодовича, атрибутированной В.Л. Яниным малолетнему сыну князя Всеволода Мстиславича, известному летописи под своим крестильным именем *Иван* (см.: Янин 2001, 449–450).

Не имел ли места подобный механизм и в нашем случае? Предполагать это позволяет уже то, что в каноническом восточно-христианском именовослове имена с начальным *Rag-* (или *Rog-*, с учетом варьирования корневых *a* и *o* в заимствованных именах) отсутствуют⁵. Следовательно, желание дать младенцу христианское имя, соотнесенное с начинающимся таким образом языческим именем, если бы таковое возникло, не могло быть удовлетворено иначе как путем обращения к «псевдоканоническому» англофорному имени *Рагуил*.

В древнерусском языческом именовослове начальные *Rag-/Rog-* не представлены, если не считать засвидетельствованного лишь поздними летописями имени *Рагдай* (*Рагдай Удалой* в Никоновской летописи под 1000 г., а также в Степенной книге, см. Тупиков 1903, 393), аутентичность которого весьма сомнительна. Реальным (а по сути дела – и единственным) коррелятом имени *Рагуил* является между тем *Рогволод* – древнерусское соответствие скандинавского *Ragnvaldr*⁶. Последнее, заметим, содержит тот самый компонент *Ragn-*, который Э. Куник пытался увидеть в имени *Рагуил*.

Предполагать наличие корреляции *Рогволод* – *Рагуил*, аналогичной парам *Якун* – *Яков* и *Ивор* – *Иван*, мешает, казалось бы, тот факт, что на Руси имя *Рогволод* известно исключительно как княжеское. Характерно, однако, что носителями его являются не Рюриковичи, а полоцкие князья, ведущие свой род от пришедшего «из заморья» (ПВЛ, 984 г.) варяга Рогволода. Скандинавским источникам известен еще один варяг на русской службе, носивший это имя. Это Рёгнвальд Ульвсон, двоюродный брат жены Ярослава Мудрого Ингигерд, вместе с нею прибывший на Русь около 1019 г. и получивший в управление Ладогу как «ярлство» (см.: КОРРЕЛА 1995, 203–204, № 752)⁷. Эта личность представляет для нас исключительный интерес: согласно гипотезе А.А. Молчанова (Молчанов 1997), Рёгнвальд Ульвсон является основателем одного из крупнейших новгородских боярских кланов – Роговичей-Гюрягиничей, представленного в XII–XIII вв. пятью поколениями новгородских посадников. Отчество первого известного летописцам представителя этого рода Гюряты Роговича (ПВЛ, 1096 г.) А.А. Молчанов трактует как имеющее в своей основе гипокористику от *Рогволод*. Факт присутствия среди ближайших потомков Гюряты сразу двух носителей «варяжских» имен – внука Яку-

⁵ Имена *Rogat*, *Rogatiан*, широко представленные в древнейших римских мартирологах (см.: СЕРГИЙ 1901, 1, 724), в святцах восточной церкви не встречаются и, по видимому, не были известны на Руси.

⁶ Заметим, что фонетическое сходство этих имен не исчерпывалось совпадением начальных элементов. Бибиальное произношение /v/ сближало его с /u/, к тому же теряющим перед гласным свою слоговость. Фактически общим для раннедревнерусских форм [raguĩľ] и [rogwoloď] можно считать ряд из четырех элементов: *r-g-w-l*.

⁷ Менее достоверно предположение о службе у Ярослава Мудрого Рёгнвальда сына Брюси, прибывшего на Русь вместе с Харальдом Суровым (см.: КОРРЕЛА 1995, 203, №751).

на Мирославича и правнука Ивора Гюргевича (см: ГИППИУС 2001) – делает его скандинавские корни весьма вероятными.

Круг, таким образом, замыкается. Предположив, что имя *Рагуил* появилось на Руси как христианский коррелят имени *Рогволод* и первоначально распространялось как родовое среди новгородской боярской элиты, мы находим у истоков формирования этой элиты скандинава Рёгнвальда Ульвсона, который на Руси должен был превратиться в Рогволода. Он сам или его внук, названный в честь деда, оказываются более чем подходящими кандидатами на роль «прото-Рагуила», существование которого в Новгороде в первой половине XI века мы предположили выше.

«Варяжский» след в истории нашего имени важен еще и в другом аспекте. Формально коррелируя с именем *Рогволод*, *Рагуил* как христианское имя оказывается, как мы уже видели, соотнесено с „главным“ англофорным именем *Михаил*. Это делает его чрезвычайно подходящим для выходца из Скандинавии, где, как и на Руси, культ архангела Михаила был очень распространен (см. об этом: СЫЧЕВ 1928). В связи с этим обращают на себя внимание следующие факты. Христианское имя посадника Добрыни (1117), по-видимому, тождественного Добрыне Рагуиловичу статьи 1096 г. ПВЛ, было, судя по сфрагистическим данным, Михаил (см.: Янин 1970, 72, 191)⁸; иначе говоря, в крещении он был Михаил Рагуилович. Его сын Рагуил Добрынич в ходе киевских событий 1147 г. отвозит тело убитого Игоря Ольговича в „новгородскую божницу“, посвященную архангелу Михаилу (ПСРЛ, 1, 318). С другой стороны, в ближайшем родстве с Гюрятиничами-Роговичами находился уже упоминавшийся род Михалковичей, чьей фамильной церковью была церковь Михаила архангела на Прусской улице. Эти „михайловские“ реалии кажутся имеющими прямое отношение к истории имени Рагуил на Руси.

Сама же эта история, какой она была реконструирована в настоящей работе, представляется весьма показательной с точки зрения характера эволюции древнерусского антропонимикона. Она несет на себе яркий отпечаток эпохи, когда христианство как официальная религия делало на Руси свои первые шаги. Местный вариант христианского именослова находился в это время в стадии формирования, а наречение крестного имени более, чем святыми, регулировалось конкретными соображениями идеологического и генеалогического свойства. На этой почве и сделалось возможным появление в Новгороде псевдоканонического англофорного имени *Рагуил* как христианского коррелята варяжского имени *Рогволод*⁹.

⁸ Благодарю В.Л. Янина, любезно обратившего мое внимание на это обстоятельство.

⁹ Трудно удержаться и не заметить, что уже упоминавшийся *John Ronald Reuel Tolkien* по-древнерусски должен был бы именоваться *Иванъ Рогволодъ Рагуиль* (имя *Ronald* восходит к сканд. *Ragnvaldr*). «Генеалогическую» часть нашей гипотезы читатель может поэтому при желании отнести к жанру *fantasy*.

Сокращения:

ГВНП – Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Москва 1949.

НПК – Новгородские писцовые книги. Т. I–VI. Санкт-Петербург/Петроград 1859–1915.

НПЛ – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Москва—Ленинград 1950.

ПВЛ – Повесть временных лет.

СК XI–XIII – Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. Москва 1984.

BS – Bibliotheca sanctorum. Vol. 2. Roma 1962.

PMA – Personennamen des Mittelalters. Namensformen für 13000 Personen gemäß den Regeln für die alphabetische Katalogisierung. Red. Bearb. Claudia Fabian. München 2000.

RAC – Reallexikon für Antike und Christentum. 5. Bd. Stuttgart 1975.

RGN – Russisches geographisches Namenbuch. 7. Bd., 3. Lief.. Wiesbaden 1975.

LCI – Lexikon der christlichen Ikonographie. 1. Bd. Rom etc. 1962.

Литература:

Браун, Ф.А. (1902): Фрианд и Шимон, сыновья варяжского князя Африкана. *ИОРЯС* т. 7, вып. 1, Санкт-Петербург, 359–365.

Гиппиус, А.А. (1999): К идентификации персонажей берестяных грамот середины XII в. усадьбы Е Троицкого раскопа. // *Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции*, вып. 8, Новгород, 366–379.

Гиппиус, А.А. (2001): «Суть людие новгородци от рода варяжска»: опыт генеалогической реконструкции. // *Восточная Европа в древности и средневековье. Генеалогия как форма исторической памяти*. XIII Чтения памяти В.Т. Пашуто, Москва, 11–13 апреля 2001, Материалы конференции, Москва, 59–65.

Гиппиус, А.А., Успенский, Ф.Б. (2000): К вопросу о соотношении языческого и христианского имени: древнерусские антропонимические дублеты в типологическом освещении. // *Славяне и их соседи. Славянский мир между Римом и Константинополем. Христианство в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в эпоху раннего средневековья*. Сборник тезисов XIX конференции памяти В.Д. Королюка, Москва, 29–36.

Зализняк, А.А. (1995): *Древненовгородский диалект*. Москва.

Молчанов, А.А. (1997): Ярл Рёгнвальд Ульвссон и его потомки на Руси (О происхождении ладожско-новгородского посадничьего рода Роговичей-Гюрятиничей). // *Памятники старины: Концепции. Открытия. Версии*. Памяти Василия Дмитриевича Белецкого, т. II, Санкт-Петербург—Псков, 80–84.

Поппэ, А. (1976): К истории романских дверей Софии Новгородской. // *Средневековая Русь*, Москва, 191–200.

Сергий (Спаский), архиеп. (1901): *Полный месяцеслов Востока*. Т. 1. 2-е издание. Владимир.

Стерлигова, И.А. (1996): *Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода. Художественный металл XI–XV века*. Редактор-составитель И.А. Стерлигова. Москва.

Суперанская, А.В. (1998): *Словарь русских личных имен*. Москва.

Сычев, Н. (1928): На заре бытия Киево-Печерской обители. // *Сборник статей в честь академика А.И. Соболевского*, Ленинград, 289–294.

Тушиков, Н.М. (1903): *Словарь древнерусских личных собственных имен*. Санкт-Петербург.

- Успенский, Ф.Б. (в печати): Варяжское имя в русском языковом обиходе. // *Древнейшие государства на территории России*. 1999, Москва.
- Юдин, А.В. (1997): *Ономастикон русских заговоров. Имена собственные в русском магическом фольклоре*. Москва.
- Янин, В.Л. (2001): К истории преобразования новгородско-княжеских отношений при Всеволоде Мстиславиче. // *Норна у источника судьбы. Сборник статей в честь Е.А. Мельниковой*, Москва, 447–455.
- Bach, A. (1943): *Deutsche Namenkunde. Bd. 1. Die deutschen Personennamen* (Grundriß der germanischen Philologie, Bd. 18). Berlin.
- Budge, E.A.W. (ed.) (1928): *The Book of the Saints of the Ethiopian Church*. Vol. 1. Cambridge.
- Gefele, C.J. (1877): *Konziliengeschichte*. Nach den Quellen bearbeitet von C.J. Gefele. Bd. 5. Stuttgart.
- Goldschmidt, A. (1932): *Die Bronzetüren von Novgorod und Gnessen*. Marburg a. d. Lahn.
- Korpela, J. (1995): *Beiträge zur Bevölkerungsgeschichte und Prosopographie der Kiever Rus' bis zum Tode von Vladimir Monomach*. Jyväskylä.
- Kunik, E. (1845): *Die Berufung der Schwedischen Rotsen durch die Finnen und Slawen*. Eine Vorarbeit zur Entstehungsgeschichte des Russischen Staates. Abt. 2. ORT.
- Lehfeldt, W. (1999): *Die altrussischen Inschriften des Hildesheimer Enkolpions* (Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen: 1, Philologisch-historische Klasse; 1999, 1). Göttingen.
- Meier, A. (1934): *Die alttestamentische Namengebung in England (Mit einem Ausblick auf die alttestamentische Namengebung in Deutschland und Frankreich)*. Leipzig.
- Mitterauer, M. (1993): *Abnen und Heilige. Namensgebung in der europäischen Geschichte*. München.
- Miklosich, F. (1860): *Chronica Nestoris. Textum russico-slovenicum, versionem latinam, glossarium edidit ... Volumen primum, textum continens*. Vindobona.
- Skulina, T. (1974): *Staroruskie imiennictwo osobowe*. Cz. 2. Wrocław etc.

